

Н. Кешоковой

Ты — смелый ловчий — расставляешь сеть
Редчайшим птицам сердца и ума.
Жена велела детям не шуметь
И ходит как на цыпочках сама.
Подаст обед, заштопает носки
И стирает вовремя белье.
Любить тебя до гробовой доски —
Призвание и поэзия ее.
Когда успех твой мчится на коне
И ты в чести, — волнуясь и любя,
Жена стоит в тени и в стороне,
Чтоб больше света пало на тебя.

Перевел Я. Козловский

Сильве Капутикян
Надо мною шумит платан:
Я страницы твои листаю.
Гонят пленниц во вражий стан:
Я страницы твои листаю.
В вышине по-людски кричит
Журавель, потерявший стаю.
Камни родины горячи:
Я страницы твои листаю.
Вот бросает цветок джигит.
Ловит женщина молодая,
А другая плачет навзрыд,
Жизнь прошедшую вспоминая;
Вдаль изгнанник бредет с сумой,
Слезы льет по родному краю,
Не вернуться ему домой:
Я страницы твои листаю.
Мне мерещится, будто сам
По Армении я шагаю.
Присягаю ее камням.
Припадаю к ее ручьям:
Я страницы твои листаю.
Я стихи твои повторяю.

Перевел Н. Гребнев

Я. Козловскому

Ты помнишь лето? Лес, трава кругом
И пятна крови нашей или вражеской.
С тех пор мне росы на лугу лесном
В закатном блеске алой кровью кажутся.
Мне и зима запомнилась навек.
Осевший снег в начале марта месяца.
С тех пор, когда я вижу талый снег,
Мне пятна крови на снегу мерещатся.
Мы были крепки, каждый как скала.
Мы кладь несли, не чувствуя усталости,
И та беда, что где-то нас ждала.
Являла облик смерти, а не старости.
Не виделась нам старость впереди,
А нынче — еду ль, за столом сижу ли я —
Все чаще руку подношу к груди,
Каким-то чудом не задетой пулею.
Все чаще наяву или во сне
Те мальчики, не ставшие мужчинами,
В бинтах сырых являются ко мне,
И лица их не тронуты морщинами.
Мне видятся огонь и облака,
И пулеметчики и пулеметчицы,
И степь, где скачет конь без седока
И повод по земле за ним волочится.

Перевел Н. Гребнев

